196644
Кол 673.

А. И. Кирпичниковъ.

1941 г.
1948 г.

СОМНѢНІЯ И ПРОТИВОРѢЧІЯ

ВЪ БІОГРАФІИ

ГОГОЛЯ.

(Комментарій къ біографической канвѣ).

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Вас. Остр., 9 лин., № 12.
1900.

196644
1904

196644

891.71.092
К43

Библиот...
Педагогическаго ...
Ст... Губ. Сем...

Книги ...
П. К. С...НИ.

А. И. Кирпичниковъ.

СОМНѢНІЯ И ПРОТИВОРѢЧІЯ

ВЪ БІОГРАФІИ

ГОГОЛЯ.

(Комментарій къ біографической канвѣ).

1948 г.
920
249
Краевая Библиотека
196644
Книгохранилище
Куйбышевского края

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Вас. Остр., 9 лин., № 12.
1900.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
С.-Петербургъ, Сентябрь 1900 года.
Непремѣнный секретарь, Академикъ *Н. Дубровинъ*.

Отдѣльный оттискъ изъ Извѣстій Отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ, т. V (1900 г.), кн. 2-ой, стр. 591—623.

БИБЛІОТЕКА
ПЕДАГОГИЧЕСКАГО ИНСТИТУТА
С.-Пет. Губ. Земства.

КНИГИ ИЗ ПРОДАЖИ
П. К. СИМОНИ.

Сомнѣнія и противорѣчія

въ біографіи Гоголя.

(Комментарій къ біографической канвѣ).

I.

Едва окончился *пушкинскій* годъ, а пора начинать готовиться къ другому литературному поминанію, столь же важному и интересному: 21-го февраля 1902 г. исполнится 50 лѣтъ со дня смерти Гоголя, что̀ по нашему закону прекращаетъ право собственности на сочиненія писателя. Къ этому времени, несомнѣнно, появится много новыхъ и общедоступныхъ изданій, и степень популярности великаго юмориста еще возрастетъ. Къ этому историческому сроку мы подготовлены въ иныхъ отношеніяхъ гораздо больше, чѣмъ къ 100 лѣтнему пушкинскому, въ другихъ — гораздо меньше. Такъ, благодаря трудолюбію покойнаго Н. С. Тихонравова, текстъ Гоголя находится въ несравненно лучшемъ положеніи, нежели находился текстъ Пушкина до начала академическаго изданія. Н. С. Тихонравовъ обставилъ нѣкоторыя произведенія Гоголя, кромѣ всегда поучительныхъ критическихъ примѣчаній, прекрасными примѣчаніями историко-литературными, какими изъ произведеній Пушкина снабжены только лицейскія стихотворенія въ изд. Л. Н. Майкова. Но за то иныя произведенія Гоголя остаются безъ всякихъ объясненій[1]), тогда какъ *весь* Пушкинъ находитъ посильный коммен-

1) Напр. одна изъ интереснѣйшихъ повѣстей Гоголя «Страшная месть» снабжена въ X изд. всего 6 строчками примѣчаній (I т., стр. 555) и варьянтами на одной страницѣ съ небольшимъ.

тарій хотя бы въ изданіи Л. И. Поливанова. Съ другой стороны, уже черезъ 18 лѣтъ послѣ смерти Пушкина одинъ изъ самыхъ просвѣщенныхъ и критическихъ умовъ своего времени П. В. Анненковъ далъ хотя небольшой, но чрезвычайно трезвый очеркъ біографіи поэта, тогда какъ оба крупные біографа Гоголя — гг. Кулишъ и Шенрокъ — питаютъ къ своему герою, по гоголевскому выраженію, *воспаленную* любовь, которая иногда совсѣмъ лишена критики. А что̀ еще важнѣе: письма Пушкина, составляющія основной матеріалъ для біографіи, доступны съ 1887 г. въ массѣ изданій; письма же Гоголя въ единственномъ изданіи 1857 года, вышедшемъ при жизни значительнаго большинства его современниковъ (и потому, естественно, съ пропусками и умолчаніемъ именъ) уже много лѣтъ составляетъ біографическую рѣдкость; а сотни писемъ, обнародованныхъ послѣ Кулиша, остаются до сихъ поръ разсѣянными по историческимъ и литературнымъ журналамъ.

Вслѣдствіе всего этого, а также и вслѣдствіе общеизвѣстной скрытности Гоголя и его наклонности къ мистификаціямъ, въ біографическомъ матеріалѣ его оказывается масса сомнительнаго и противурѣчиваго. Полагаемъ, что уже одно указаніе этихъ противорѣчій будетъ не безполезно какъ для собирателей новыхъ документовъ, такъ и для будущихъ изслѣдователей; а, можетъ быть, намъ удастся и разъяснить нѣсколько не совсѣмъ маловажныхъ пунктовъ.

Прежде всего надо указать на то несчастное обстоятельство, что вышеупомянутое единственное собраніе писемъ Гоголя, занимающее V и VI томы изданія Кулиша, переполнено ошибками, иныя изъ которыхъ внимательный читатель можетъ исправить, даже и не обращаясь къ рукописямъ.

Приведемъ нѣсколько примѣровъ. 2 апрѣля 1830, Гоголь, запрашивая мать о томъ, можетъ ли она высылать ему ежемѣсячно по 100 рублей, пишетъ: «Но, сдѣлайте милость, говорите точную правду. Если это будетъ не по состоянію вашему, если черезъ это вы принуждены будете отказывать себѣ въ необхо-

димомъ, о, въ такомъ случаѣ я рѣшусь пожертвовать всѣми выгодами службы, рѣшусь бросить Петербургъ, гдѣ(,) можетъ быть, я бы составилъ себѣ счастіе, *удалюсь когда-нибудь въ провинцію*, гдѣ бы содержаніе мнѣ не стоило такъ дорого...»[1]). Чѣмъ же, спрашивается онъ будетъ жить до тѣхъ поръ? Очевидно, вмѣсто *когда нибудь* надо читать: *куда нибудь*.

Въ письмѣ къ ней же отъ 3 іюня 1830 г. Гоголь пишетъ: «Люди различныхъ характеровъ, разнаго темпераменту всегда найдутъ(,) объ чемъ поговорить, поспорить и *однообразить* свой разговоръ». Безъ сомнѣнія, надо читать: *разнообразить*[2]).

Къ ней же 5 іюня 1836 г. Гоголь пишетъ: «Посылаю вамъ *видъ* Невскаго проспекта со всѣми домами, которые на немъ есть. Вы можете повѣсить *его* въ комнатѣ подъ самымъ карнизомъ и непремѣнно въ одной; въ другую не переносите: иначе это будетъ смѣшно»[3]). Мало вѣроятно, чтобы этотъ *видъ* состоялъ изъ многихъ картоновъ или листовъ, вмѣстѣ соединенныхъ и чтобы Гоголь предполагалъ у матери желаніе разрѣзать его. Вѣрнѣе, что надо читать *виды* и *ихъ* и т. д. и т. д.

Но это ошибки почти корректурныя, легко исправимыя [4]); важнѣе и вреднѣе ошибки въ датированіи и размѣщеніи писемъ.

Письмо къ матери изъ Павловска отъ 24 іюля, гдѣ Гоголь говоритъ о холерѣ въ Петербургѣ и даетъ свой адрессъ «на имя Пушкина въ Царское Село», издатель помѣтилъ въ скобкахъ (стало быть, по догадкѣ) 1830 годомъ и помѣстилъ тому соотвѣтственно (V, 117—8). Но въ 1830 г. ни холеры въ Петербургѣ, ни Гоголя въ Павловскѣ, ни Пушкина въ Царскомъ Селѣ не было; письмо это должно быть помѣчено 1831 годомъ и помѣщено на 15—16 страницъ ниже. Но и тамъ невозможно указать ему точнаго мѣста вслѣдствіе какой-то ошибки въ цыфрѣ или въ буквѣ: въ письмѣ, помѣченномъ 1831 г., *27 іюля*, Павловскъ (V, 133), Гоголь жалуется, что не получалъ отъ матери

1) V т., стр. 107. 2) V т., стр. 115. 3) V т., стр. 263.

4) Къ нимъ же принадлежатъ *Труды* Словесъ (VI, 24) вм. *Трубы* Словесъ и др.

ни строчки и даетъ обстоятельный адресъ на имя Пушкина[1]); въ письмѣ же отъ *24 іюля* онъ уже знаетъ, что на почтѣ ему лежитъ письмо отъ матери съ деньгами и только напоминаетъ адресъ. Очевидно, что письмо отъ *27 іюля* должно было ему предшествовать[2]).

На тѣхъ же страницахъ V тома находимъ еще недосмотръ, вводящій біографа въ столь же явную ошибку. 9 іюня *1831* г. (безъ скобокъ) помѣчено письмо Гоголя къ матери, въ которомъ онъ пишетъ: «Я въ будущемъ мѣсяцѣ, можетъ быть, увижусь съ вами, разумѣется, если ничто не помѣшаетъ... Письма до времени пріостановитесь ко мнѣ писать, потому что я живу теперь на дачѣ, и доставлять мнѣ очень трудно (V, 132). Какъ это согласовать съ предъидущимъ письмомъ отъ 28 апрѣля, гдѣ Гоголь пишетъ, что Данилевскій — вѣстникъ о его прибытіи на *слѣдующій* годъ, и съ послѣдующимъ, отъ 4 іюля, гдѣ Гоголь, не упоминая о поѣздкѣ домой, извѣщаетъ мать, что онъ переѣхалъ на М. Морскую въ домъ Лепеня?[3]) Какъ это согласовать съ тѣмъ, что въ началѣ іюня 1831 г. Гоголь былъ всецѣло погруженъ въ печатаніе «Вечеровъ?» Какъ это согласовать, наконецъ, съ твердо обдуманнымъ планомъ Гоголя ѣхать на родину только въ 1832 г. (V, 129)?

---

1) Письма адресуйте ко мнѣ на имя Пушкина, въ Царское Село, такъ: Его высокоблагородію Александру Сергѣевичу Пушкину. А васъ прошу отдать Н. В. Гоголю.

2) Я. К. Гротъ въ Хронологической канвѣ для біографіи Пушкина относитъ это письмо къ *іюню*.

3) Впрочемъ, это коротенькое и совершенно безсодержательное письмо тоже не насвоемъ мѣстѣ и тоже невѣрно помѣчено: 21 августа 1831 г. Гоголь сообщаетъ Пушкину свой Петербургскій адресъ: Офицерская, д. Брунста (Р. Арх. 1880, стр. 509); тотъ же адресъ еще подробнѣе (II Адмиралт. часть) сообщаетъ онъ Жуковскому въ письмѣ отъ 10 сентября (Р. Арх. 1871, стр. 948), а въ домѣ Лепеня на М. Морской поселился онъ въ началѣ осени *1833* г. (см. Кіевск. Стар. 1883 г., № 3, стр. 624).

Вспомнимъ, что англійскіе историки литературы, изслѣдовавъ полицейскіе архивы Лондона, добыли важные несомнѣнные факты для біографіи своего величайшаго поэта. Если архивы петерб. полиціи 30-хъ годовъ XIX в. въ такомъ же порядкѣ и сохранности, какъ лондонскіе конца XVI (предположеніе едва ли слишкомъ смѣлое), было бы не трудно добыть оттуда не меньше достовѣрныхъ свѣдѣній о Пушкинѣ, Гоголѣ и др.

Очевидно, это письмо не на своемъ мѣстѣ: оно написано въ 1832 г., когда Гоголь въ началѣ іюня, дѣйствительно, жилъ на дачѣ, трудно доступной почтѣ [1]).

Письмо отъ 21 августа 1831 г. (V, 134) было адресовано, конечно, не къ матери, какъ надписываетъ его издатель, такъ какъ Гоголь говоритъ здѣсь объ ней въ третьемъ лицѣ, а къ кому то другому, вѣроятнѣй всего, къ дядѣ Косяровскому, который переслалъ или привезъ это письмо въ Васильесвку.

Письмо къ Погодину изъ Женевы отъ сентября $\frac{22}{10}$ 1836 г. (V, 274—5) должно было предшествовать письму Гоголя къ матери изъ Лозанны (V, 272—4), помѣченному 21 сентября, такъ какъ въ первомъ Гоголь только собирается ѣхать въ Лозанну, и во время этого своего пребыванія за границей Гоголь только постепенно пріучалъ мать къ заграничному стилю.

Невѣрно датировано 1838-мъ годомъ письмо къ Данилевскому отъ 15 апрѣля изъ Рима (V, 308—311); въ немъ Гоголь описываетъ Данилевскому Италію и Римъ, какъ человѣку, никогда въ Римѣ не бывавшему; между тѣмъ какъ въ письмѣ отъ 2 февраля этого же года Гоголь пишетъ Данилевскому объ общихъ римскихъ знакомыхъ, поминаетъ его бывшую хозяйку Розу (V, 300) и пр. Очевидно, письмо отъ 15 апрѣля писано въ 1837 г., когда Гоголь пріѣхалъ въ Римъ «какъ разъ наканунѣ Свѣтлаго праздника» (V, 310).

Письмо Гоголя къ матери, напечатанное въ V т., стр. 472, и помѣченное предположительно 1842-мъ годомъ, безъ всякаго сомнѣнія, должно быть отнесено къ 1840 г., такъ какъ въ *этомъ* именно году Елизавета Васильевна Гоголь осталась у Раевской и грустила послѣ отъѣзда матери; въ 1842 г. она уже давно была дома.

Изъ писемъ Гоголя къ Смирновой и Жуковскому отъ іюля

---

1) Невольно является предположеніе, не потому ли Кулишъ исключилъ конецъ этого важнаго письма, что онъ противорѣчилъ 1831-му году, къ которому отнесъ его издатель.

1845 г. ясно, что въ этомъ году Гоголь до Берлина въ Карльсбадѣ не былъ; а между тѣмъ Кулишъ помѣтилъ письмо Гоголя къ матери изъ Карльсбада 28-мъ *іюня* (VI, 194); очевидно, вмѣсто *іюня* надо читать *іюля*. 15 мая 1849 г. Гоголь пишетъ изъ Москвы къ матери о необходимости перестроить въ Васильевкѣ домъ, чтобы не мерзнуть въ немъ зимою (VI, 487) и о томъ же пишетъ онъ 24[1]) (VI, 489). Третье письмо по тому же предмету помѣщено Кулишемъ много ниже (V, 532—3) и датировано: *Москва 9 іюля (1851 г.)*; въ немъ Гоголь пишетъ: «Хочу произвести работу при себѣ[2]). Хотѣлось мнѣ именно въ это лѣто, потому что есть у меня теперь свободное время». Стало быть, Гоголь во время писанія этого письма имѣлъ намѣреніе ѣхать въ Васильевку; но въ іюлѣ 1851 г. онъ только что пріѣхалъ въ Москву изъ Васильевки; не могъ же онъ при его здоровьѣ и средствахъ такъ колесить по Россіи! Очевидно, это письмо надо помѣстить двумя годами раньше; да и 9 *іюля* очевидная ошибка или опечатка вмѣсто *іюня*, такъ какъ это письмо заканчивается словами: «Впрочемъ это еще посмотримъ при свиданіи, которое, если Богъ дастъ, можетъ быть въ началѣ будущаго мѣсяца, т. е. *іюля*»[3]).

Читателя, который не преслѣдуетъ никакихъ научныхъ задачъ, а только желаетъ ознакомиться съ личностью и жизнью Гоголя на основаніи несомнѣнныхъ документовъ, единственное изданіе его писемъ еще болѣе, нежели недосмотрами, должно раздражать безчисленными пропусками и буквами, то латинскими и англійскими, то русскими, вмѣсто фамилій. Конечно, въ *то*

---

1) Оба письма датированы, очевидно, рукою самого Гоголя.

2) Ср. въ письмѣ отъ 15 мая 1849 г. «Разумѣется, это можно сдѣлать только при мнѣ...».

3) Надо замѣтить, что издатель во второмъ томѣ писемъ (по общей нумераціи изданія — шестомъ) и не гонится за хронологическою послѣдовательностью: на стр. 14 онъ помѣщаетъ письмо къ Языкову отъ 18 іюня 1843 г., а на стр. 17 къ нему же отъ 28 мая; на стр. 24 къ Языкову же отъ 5 октября, на стр. 26 къ Иванову отъ 1 сентября, на стр. 27 къ матери отъ 1 октября. Въ концѣ тома со стр. 486 письма Гоголя идутъ въ такомъ порядкѣ (точнѣе: безпорядкѣ): мая 24, іюля 6, мая 14, мая 15, мая 24, мая 27, іюля 29.

время (1857 г.). Кулишъ не имѣлъ возможности напечатать полностью фамиліи тѣхъ лицъ, о которыхъ Гоголь отзывается дурно, или о которыхъ онъ сообщаетъ что либо интимное; но трудно объяснить чѣмъ либо, кромѣ небрежности, явившейся результатомъ торопливости, почему издатель прикрывалъ буквами, да еще такими необычными, какъ RG или WF, да еще и не одними и тѣми же, лицъ, о которыхъ Гоголь говоритъ мимоходомъ или сообщаетъ факты безразличные, въ то время какъ другія лица, находящіяся въ томъ же положеніи (а иногда и тѣ же самыя, но въ другомъ мѣстѣ), названы полными фамиліями. В. И. Шенрокъ оказалъ біографамъ Гоголя великую услугу своимъ «Указателемъ къ письмамъ Гоголя», гдѣ раскрылъ съ помощію подлинныхъ писемъ эти анонимы; не даромъ эта брошюра выдержала уже два изданія.

Къ сожалѣнію и «Указатель» г. Шенрока разъясняетъ читателю далеко не все, имъ желаемое. Такъ напр. въ письмѣ Гоголя къ сестрамъ изъ Рима отъ 28 апр. 1838 г. мы читаемъ (V, 311): «Первая, которая къ вамъ пріѣдетъ, будетъ графиня К***. Она такая добрая и такая хорошенькая собой! Съ ней вы можете говорить все, что̀ вамъ ни вздумается, все равно, какъ со мною. Потомъ будетъ у васъ А***, тоже очень добрая. Еще будетъ у васъ К***, такая премиленькая! Она васъ очень полюбитъ» и пр. Ни одной изъ этихъ буквъ для даннаго мѣста мы не находимъ въ указателѣ г. Шенрока[1]), а такъ какъ составитель не обозначилъ, какія именно письма могъ онъ свѣрить съ подлинниками или копіями, и какія нѣтъ, то и послѣ его брошюры остается непонятнымъ, почему Кулишъ счелъ нужнымъ опустить фамиліи добрыхъ и прекрасныхъ петербургскихъ дамъ и дѣвицъ.

Конечно, недосмотры и пропуски изданія Кулиша не могутъ помѣшать признать за нимъ огромное историческое значеніе: массу труда и остроумія затратилъ первый біографъ Гоголя,

1) Какъ не находимъ и «Краснаго Э***» на стр. 444 V-го тома и многихъ, многихъ другихъ.

чтобы размѣстить его письма, почти на половину не имѣющія на себѣ года. Но къ 50 лѣтію со дня смерти Гоголя слѣдуетъ озаботиться новымъ и полнымъ изданіемъ этого основного источника.

Изъ другихъ матеріаловъ для біографіи Гоголя должны были бы занимать видное, послѣ писемъ первостепенное мѣсто *записки* одного изъ самыхъ близкихъ друзей его, А. О. Смирновой, на глазахъ которой прошла большая часть жизни писателя, еслибъ имъ можно было вѣрить въ ихъ нынѣшнемъ видѣ. Но какъ имъ вѣрить, когда, напр., отрывки изъ ея дневника, сообщенные г. Шепроку [1]), совершенно опредѣленно указываютъ на лѣто 1830 г., какъ на моментъ перваго ея знакомства съ Гоголемъ, когда мы навѣрно знаемъ изъ писемъ Гоголя, что лѣтомъ этого года Гоголь всецѣло былъ занятъ службою и живописью и никакихъ уроковъ не давалъ? Какъ вѣрить дословно дневнику, въ которомъ только «нѣкоторый промежутокъ [2])» отдѣляетъ смерть Грибоѣдова, чтеніе «Вечера наканунѣ Ивана Купала», февральскую революцію и чтеніе «Миргорода?».

Есть, впрочемъ, случаи, гдѣ этотъ недостовѣрный источникъ, по моему мнѣнію, болѣе внушаетъ довѣрія, нежели другія свидѣтельства, считающіяся несомнѣнными. Такъ А. О. Россетъ записываетъ: *Gogol sait très-bien l'allemand* и тѣмъ противорѣчитъ давно установившемуся мнѣнію, что Гоголь понѣмецки зналъ мало и что, стало быть, нѣмецкая литература и наука не могли оказать на него ни малѣйшаго вліянія; неопровержимое и прямое тому доказательство — полное отсутствіе нѣмецкихъ пособій въ его библіотекѣ во время его профессорства, а косвенное, но тоже очень сильное — «отъ умолчанія».

Между тѣмъ изъ книги Н. А. Лавровскаго: «Гимназія высшихъ наукъ кн. Безбородко въ Нѣжинѣ 1820 — 1832 г.» [3]) мы

1) См. Матеріалы, I, стр. 319 и слѣд.

2) Тамъ же, I, 322.

3) Изв. историко-фил. института кн. Безбородко III, Кіевъ, 1879, стр. 102—258.

узнаемъ, что и почетный попечитель, и директоръ Орлай прилагали усиленныя заботы объ обоихъ новыхъ языкахъ (стр. 140), что Орлай въ этомъ отношеніи даже нѣсколько переходилъ границу: желалъ изгнать одного прекраснаго надзирателя только за то, что онъ не иностранецъ, требовалъ, чтобы и буфетчикъ и лакеи могли говорить съ воспитаниками по-нѣмецки или по-французски. Оттуда же узнаемъ, что Гоголь и поступилъ въ Гимназію съ нѣкоторыми знаніями по нѣмецкому языку [1]) и во время курса получалъ иногда по-нѣмецки даже высшій баллъ (Прилож. № 3). Правда, въ мартѣ 1826 г. Гоголь упомянутъ въ числѣ тѣхъ воспитанниковъ, которые плохо посѣщаютъ уроки новыхъ языковъ; но происходило это, безъ сомнѣнія, не отъ нелюбви къ предмету, а къ преподавателямъ: въ слѣдующемъ 1827 г. Гоголь усиленно занимается внѣ классовъ обоими новыми языками, выписываетъ на свои деньги изъ Лемберга дорогое изданіе Шиллера и нѣсколько часовъ въ день проводитъ надъ нимъ «съ величайшею пріятностью» (V, 51). Положимъ, въ концѣ концовъ онъ долженъ признаться, что не сладилъ съ Шиллеромъ; но кому же неизвѣстно, что прозаическія статьи Шиллера (за исключеніемъ 30-лѣтней войны) для 18-лѣтняго юноши представляютъ большія трудности?

Наконецъ нельзя не принять въ соображеніе аттестатъ Гоголя, высланный ему 25 января 1829 г. (Кулишъ, Записки II, 277), въ которомъ успѣхи Гоголя по нѣмецкому языку признаны *превосходными* (а по французскому только очень хорошими). Въ этомъ пунктѣ аттестатъ расходится съ годовыми и экзаменными отмѣтками Гоголя, очевидно, потому, что отмѣтки ставились на основаніи отвѣтовъ, а въ аттестатѣ успѣхи отмѣчены по внутреннему убѣжденію преподавателя, которому не было ни малѣйшей выгоды преувеличивать достоинства ученика, уже полгода назадъ окончившаго Гимназію.

---

1) См. экз. списокъ, стр. 239; по-франц. Гоголь-Яновскій имѣлъ 1, по-нѣмецк.—2 (четырехъ-бальная система).

Гоголь во время учительства и профессорства пользовался французскими пособіями потому, что въ то время они были гораздо извѣстнѣе и доступнѣе нѣмецкихъ; послѣдними руководствовались только настоящіе ученые, да и то больше московской школы. Аргументъ отъ умолчанія скорѣе говоритъ въ пользу знанія нѣмецкаго языка: ни въ одномъ изъ своихъ многочисленныхъ писемъ изъ Германіи Гоголь не жалуется на затрудненіе отъ незнанія языка. Замѣтимъ, кромѣ того, что въ 1836 г. въ Гамбургѣ онъ посѣщаетъ театръ и народный балъ (V, 266).

Гоголь, конечно, не былъ *знатокомъ* нѣмецкаго языка, но среди того общества, которое окружало будущую г-жу Смирнову, онъ могъ выдѣляться своимъ болѣе или менѣе основательнымъ знакомствомъ съ нимъ и съ нѣмецкой литературой; въ случаѣ нужды или сильнаго желанія онъ могъ прочесть повѣсть Тика, Арнима или знаменитаго Гофмана.

Я долженъ признаться, что и послѣ всѣхъ вышеизложенныхъ аргументовъ у меня самого оставалось нѣкоторое сомнѣніе въ безспорности выставленнаго здѣсь аргумента; но это сомнѣніе окончательно разсѣялъ извѣстный собиратель П. Я. Дашковъ, предъявивъ мнѣ изъ числа находящихся въ его владѣніи бумагъ строкъ въ десять выписку несомнѣнно руки Гоголя изъ какой то нѣмецкой книги, сдѣланную бойкимъ, привычнымъ почеркомъ готическаго шрифта съ осмысленными помарками.

Достовѣрнѣе *дневника*, безъ обозначенія *дней*, г-жи Смирновой, воспоминанія А. С. Данилевскаго, С. Т. Аксакова и другихъ серьезныхъ и правдивыхъ людей, близко знавшихъ Гоголя; но это только *воспоминанія*, записанныя черезъ много лѣтъ послѣ событій, и важнѣйшія изъ нихъ — воспоминанія С. Т. Аксакова начинаются съ явной хронологической ошибки, смягченной, впрочемъ, словомъ: *кажется*[1]). Разсказы учителей,

1) Аксаковъ начинаетъ такъ: «Въ 1832 г., кажется, *весною*... Погодинъ привезъ ко мнѣ въ первый разъ... Гоголя» (Русск. Арх. 1890, № 8, стр. 5). Это было въ серединѣ лѣта: Гоголь уже успѣлъ пожить на дачѣ подъ Петербургомъ и потомъ, покинувъ ее, поѣхалъ черезъ Москву въ Васильевку.

соучениковъ и другихъ лицъ, знавшихъ Гоголя въ дѣтствѣ или въ ранней юности, по общеизвѣстному психологическому закону, не могутъ быть свободны отъ преувеличеній и неточностей.

Рядъ темныхъ или тноватыхъ пунктовъ въ біографіи Гоголя начинается со дня его рожденія и оканчивается его далеко не вполнѣ объясненною смертью въ 43 года отъ роду, безъ всякой болѣзни, кромѣ сильнаго нервнаго разстройства, которое никогда и нигдѣ не считалось опаснымъ для жизни.

Бракъ родителей Гоголя совершился въ 1808 г., какъ это очевидно изъ того, что Марья Ивановна Гоголь, потерявшая мужа въ 1825 г., считала 17 лѣтъ счастливой супружеской жизни[1]). Николай Гоголь родился 19 марта 1809 года[2]). Между тѣмъ и новѣйшій біографъ Гоголя, г. Шенрокъ, повторяя своихъ предшественниковъ, начинаетъ свой разсказъ о дѣтствѣ Гоголя съ объясненія, почему мать его во время родовъ попала въ Сорочинцы: «ее привело туда опасеніе, *послѣ двухъ неудачныхъ родовъ*, за жизнь будущаго ребенка» (I, стр. 59). Какимъ образомъ въ одинъ годъ или около того 14—15 лѣтняя[3]) Марья Ивановна могла родить три раза? Очевидно, сказаніе, пущенное въ ходъ Г. П. Данилевскимъ, въ этой своей части не заслуживаетъ ни малѣйшаго довѣрія; а поѣздка слишкомъ молодой будущей матери подъ наблюденіе опытнаго врача (Трахимовскаго) вполнѣ вѣроятна и безъ предшествующихъ несчастій. Кулишъ въ Запискахъ о жизни Гоголя[4]) говоритъ, что Гоголь готовился въ Полтавѣ къ поступленію въ гимназію, живя на дому у одного учителя, вмѣстѣ съ своимъ младшимъ братомъ

1) См. письмо сына къ ней изъ Лозанны (V, 273); Гоголь, конечно, повторяетъ ея слова, не разъ имъ слышанныя.

2) 3 ноября 1827 г., при допросѣ по дѣлу профессоровъ Билевича и Бѣлоусова, ученикъ 9 класса Яновскій названъ 19-лѣтнимъ (Лавровскій, тамъ же, стр. 211); но это, безъ сомнѣнія, не точно: *девятнадцатый* годъ допрашиваемаго легко могъ въ протоколѣ обратиться въ *девятнадцать лѣтъ*.

3) См. ея разсказъ тамъ же I, 42—3.

4) Спб. 1856, I, 16.

Иваномъ, который на каникулахъ умеръ, послѣ чего Николай Гоголь въ гимназію уже не возвратился. Между тѣмъ всѣ четыре письма, приписанныя Кулишемъ полтавскому періоду ученья Гоголя, несомнѣнно свидѣтельствуютъ, что Николай Гоголь былъ и въ Полтавѣ одинокимъ: могъ ли старшій братъ, живущій вмѣстѣ съ младшимъ, писать «дрожайшимъ родителямъ» только о самомъ себѣ («Если вы будете въ Полтаву сами скоро, то я увѣренъ, что всѣ устроите для *моей* пользы»)? Нельзя допустить и того, чтобы Иванъ оставался въ это время дома: въ письмѣ къ бабушкѣ Николай Гоголь посылаетъ поцѣлуи только своей нянѣ и сестрицамъ. Очевидно, Ивана въ это время уже не было въ живыхъ, и для маленькаго Никоши наступило почти полное одиночество, всегда способствующее преждевременной зрѣлости ребенка.

Въ самомъ началѣ нѣжинскаго періода жизни Гоголя мы наталкиваемся на противорѣчіе, едва ли вполнѣ объяснимое при нынѣшнихъ средствахъ. *13 августа* 1821 г. Гоголь пишетъ родителямъ короткое письмо, гдѣ извѣщаетъ ихъ, что онъ, «слава Богу, здоровъ» (т. V, 5), а *14 августа* онъ описываетъ свое состояніе въ самыхъ ужасныхъ краскахъ: «всякій Божій день слезы рѣкой льются»; его дядька Симонъ просиживаетъ надъ нимъ цѣлыя ночи, при чемъ изъ слѣдующаго письма отъ 6 сентября ясно, что мальчикъ страдалъ и физически: у него такъ болѣла грудь, что онъ не могъ свободно дышать (т. V, 6). Необходимо допустить, что дата перваго письма прочтена Кулишемъ невѣрно, что это одно изъ тѣхъ писемъ «до каникулъ», въ которыхъ Гоголь писалъ, что ему здѣсь хорошо.

Нельзя не обратить вниманія на измѣненіе тона писемъ Гоголя послѣ 6 сентября 1821 г. въ особенности по сравненію съ письмомъ отъ 14 августа, въ которомъ ясно виденъ избалованный, изнѣженный первенецъ, наклонный преувеличивать передъ родителями свои страданія, но по дѣтски откровенный и добрый. Коротко извинившись въ сентябрьскомъ письмѣ, Николай Гоголь, начиная съ октября, пишетъ оффиціальныя, холодныя

письма, почти исключительно просительныя, иногда, можетъ быть, съ вымышленными исторіями (напр. см. письмо отъ 7 янв. 1822 г.). Повліяла ли такъ на Никошу новая среда, или какой нибудь благоразумный совѣтчикъ научилъ слабохарактернаго Василія Аѳанасьевича припугнуть мальчика, мы не знаемъ; возможно и то и другое. Нѣжинскіе годы Гоголя извѣстны лучше другихъ періодовъ его жизни, благодаря довольно многочисленнымъ воспоминаніямъ его бывшихъ товарищей и даже преподавателей, но, какъ мы говорили выше, было бы опасно принимать все, сообщаемое въ этихъ воспоминаніяхъ, за неопровержимыя документальныя свидѣтельства: авторы ихъ при всей доброй волѣ не могли вполнѣ перенестись за много лѣтъ назадъ и отрѣшиться отъ представленія Гоголя знаменитымъ геніальнымъ писателемъ, который и въ отрочествѣ *долженъ* былъ представлять изъ себя нѣчто особенное; поэтому они никоимъ образомъ не могутъ, по степени достовѣрности, стоять рядомъ съ письмами самого Гоголя. Но иныя мѣста этихъ воспоминаній служатъ необходимымъ комментаріемъ къ письмамъ. Такъ напр. насмѣшливое прозвище, которое получилъ Гоголь отъ товарищей: *таинственный карла* превосходно объясняетъ рѣзкое различіе тона между немногими совершенно искренними письмами юнаго студента (къ Высоцкому и П. П. Косяровскому) и его благоразумно-приличными письмами къ матери: въ Гоголѣ уже въ этотъ ранній періодъ отчетливо сказывается малороссійская черта—стремленіе быть *себѣ на умѣ*, которая впослѣдствіи приняла видъ неискренности и такъ возмущала поклонниковъ Гоголя Аксаковыхъ, а временами мучила и самого Гоголя. Какую рѣзкую противуположность представляетъ въ этомъ отношеніи Гоголь черезъ чуръ откровенному великороссу Пушкину!

Драгоцѣнны указанія соучениковъ Гоголя на его завѣдываніе выписываемыми въ складчину журналами и книгами и на аккуратность, которую проявлялъ онъ въ этомъ отношеніи [1]):

1) Онъ собственноручно завертывалъ въ бумажку не всегда опрятные пальцы читателей.

обильное и внимательное чтеніе служитъ единственнымъ (но вполнѣ достаточнымъ) объясненіемъ быстраго духовнаго роста лѣниваго ученика, манкировавшаго классами и державшагося въ дали отъ преподавателей. Но на обязанности біографа лежитъ прежде всего выясненіе вопроса о томъ, что именно читалъ Гоголь, т. е. что появилось въ 1823 — 1828 годахъ и пользовалось наибольшимъ распространеніемъ [1]).

Въ первый же годъ петербургской жизни Гоголя мы наталкиваемся на эпизодъ, чрезвычайно странный и едва объяснимый при тѣхъ данныхъ, которыми мы располагаемъ; разумѣю его первое путешествіе за границу.

20-лѣтній очень небогатый и *очень* благоразумный (см. письма М. И. къ Косяровскому у Шенрока I, 147 прим.) юноша является въ Петербургъ съ радужными надеждами, но въ началѣ, несмотря на способности, удивительную энергію и, такъ сказать, нравственную цѣпкость [2]), терпитъ рядъ неудачъ, такъ какъ не хочетъ идти на маленькое дѣло; наконецъ онъ рѣшаетъ покориться судьбѣ и начать свою карьеру шаблонно, съ скромной службы. Въ это время въ его руки попадаетъ довольно значительная сумма; неожиданно для всѣхъ и, по видимому, для самого себя, Гоголь, захвативъ эти не ему принадлежащія деньги, уѣзжаетъ за границу на «два или три года» (V, 87) (онъ взялъ съ собою и шубу Данилевскаго, которая не могла не стѣснять его въ іюлѣ мѣсяцѣ, ib. 88), съ намѣреніемъ жить тамъ «въ уединеніи», но въ тоже время «въ шумѣ вѣчнаго труда и дѣятельности» (тамъ же, 85) и вернуться съ серьезными трудами «на иностранномъ языкѣ» (стр. 88), обогативъ себя опытомъ и знаніями. А едва проходитъ мѣсяцъ, мы снова видимъ его въ Пе-

1) Въ письмахъ Гоголя мы находимъ указанія на «Образцовыя сочиненія въ стихахъ и прозѣ», на Евгенія Онѣгина, на Вѣстникъ Европы, Bibliothèque des Dames, письма о Восточной Сибири А. Мартоса (V, 66) и рядъ пьесъ, изученныхъ Гоголемъ ради школьнаго театра; но это, конечно, только капля въ морѣ.

2) См. письмо отъ 30 апр. 1829 (V, 82). «Если въ одномъ неудача, можно прибѣгнуть къ другому, въ другомъ—къ третьему и такъ далѣе».

тербургѣ, и онъ снова готовъ подчиниться обстоятельствамъ и поступить на службу, что̀ на этотъ разъ и исполняетъ при первой возможности.

Неизвѣстна причина его внезапнаго отъѣзда, такъ какъ никто не вѣритъ его пылкой до безумія любви къ какой то высокопоставленной женщинѣ или дѣвицѣ, о которой онъ говоритъ въ письмѣ къ матери отъ 24 іюля и о которой потомъ онъ въ перепискѣ съ матерью не упоминаетъ ни однимъ звукомъ; еще менѣе основаній считать «главною причиной» его поѣздки въ Любекъ болѣзнь, о которой онъ «*забылъ объявить*» [1]) въ прощальномъ письмѣ къ матери и которой онъ только напрасно напугалъ мнительную Марью Ивановну. Столь же мало извѣстна и причина его неожиданно быстраго возвращенія [2]), и вообще весь этотъ эпизодъ совсѣмъ не въ характерѣ Гоголя, который даже въ ранней юности грѣшилъ не легкомысліемъ, а скорѣй излишней разсчетливостью и осторожностью. Самъ Гоголь меньше, чѣмъ черезъ годъ, называетъ свою поѣздку «страннымъ, безразсуднымъ явленіемъ», которое онъ можетъ объяснить только вліяніемъ весны [3]).

Тотъ, кто отождествляетъ религіозный фанатизмъ и нервное разстройство послѣднихъ лѣтъ жизни Гоголя съ острой психической болѣзнью, можетъ въ этой поѣздкѣ видѣть первое, самое

1) (Т. V, 90). Но я не думаю, чтобы болѣзнь и любовь были всецѣло *выдуманы* Гоголемъ; и то и другое, вѣроятно, имѣло свое реальное основаніе: при общемъ худосочіи Гоголя скоропреходящая болѣзнь — вещь очень вѣроятная; а относительно любви мы имѣемъ позднѣйшее указаніе отъ самого Гоголя въ очень откровенномъ письмѣ къ А. С. Данилевскому. 20 декабря 1832 г. онъ пишетъ ему (V, 165): «Очень понимаю и чувствую состояніе души твоей, хотя самому, благодаря судьбу (sic) не удалось испытать. Я потому говорю *благодаря*, что это пламя меня бы превратило въ прахъ въ одно мгновеніе..... И потому то, къ спасенію моему, у меня есть твердая воля, *два раза* отводившая меня отъ желанія заглянуть въ пропасть». О *второмъ* случаѣ онъ писалъ тому же Данилевскому 10 марта 1832 г. (V, 148—9); а *первый*, надо полагать, имѣлъ мѣсто лѣтомъ 1829 г. Но я утверждаю, что ни ничтожная болѣзнь, ни любовь, которую онъ безъ труда покорилъ своей сильной волѣ, не могли быть достаточнымъ основаніемъ для Гоголя, чтобы надолго покинуть отечество.

2) Разсказъ о немъ см. у Кулиша I, 82.

3) V, 104 стр. 95.

раннее проявленіе того недуга, который много лѣтъ спустя свелъ великаго поэта въ могилу. Но это значило бы разрубить вопросъ вмѣсто его разрѣшенія: письма Гоголя изъ Любека и Травемюнде, такъ-же какъ и первыя письма по возвращеніи,—верхъ ума и пониманія человѣческаго сердца, что̀ видно и по результатамъ ихъ: въ какіе нибудь полгода, безъ личнаго свиданія, Гоголь вполнѣ примирилъ съ собою справедливо раздраженную и огорченную мать[1]). Предлагаемъ собственную попытку объясненія.

Еще за годъ до окончанія курса[2]) Гоголь, побуждаемый Высоцкимъ, мечталъ о путешествіи за границу, но въ тоже время писалъ другу: «можетъ быть, мнѣ жизнь Петербургская такъ поправится, что я и поколеблюсь» (т. V, 56). Надежды Гоголя, какъ мы знаемъ, не оправдались; особенно тяжело должна была поразить самолюбиваго юношу неудача съ Гансомъ Кюхельгартеномъ: на нѣкоторое время она лишила его столь ему обычнаго самообладанія. Случайно въ этотъ моментъ въ рукахъ его оказались порядочныя деньги, и изъ желанія «перемѣнить участь», онъ въ первый и въ послѣдній разъ въ жизни совершилъ поступокъ, до крайности безразсудный. Но онъ одумался еще во время переѣзда на кораблѣ: удаленіе отъ всего родного, крайняя неопредѣленность своихъ плановъ, качка и, можетъ быть, разговоры о дороговизнѣ европейской жизни не могли тому не способствовать. Какъ человѣкъ умный и энергичный, онъ рѣшилъ исправить сдѣланное зло сколько возможно скорѣе, чтобы, такъ сказать, «не запускать» его. Нѣтъ сомнѣнія, что денежный вопросъ игралъ въ его разсчетахъ видную роль. Мы знаемъ, сколько именно денегъ было въ его рукахъ: Марья Ив. 23 іюня пишетъ П. И. Косяровскому: «въ Опекунскій Со-

1) Повидимому, и манишки (см. письмо отъ 27 окт.) Гоголь выписываетъ отъ нея именно съ цѣлію доставить ей удовольствіе и занять ея вниманіе.

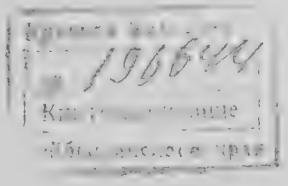
2) См. письмо отъ 26 іюня 1827 г. V, 54 и слѣд. Что эта мечта не была скоропреходящею, видно изъ его письма П. И. Косяровскому отъ 8 сент. 1828 г. (см. Русск. Старину 1876, I, 43). Здѣсь онъ говоритъ о 10-лѣтнемъ пребываніи за границей.

вѣтъ въ С.-Петербургъ послала 1450 р., заняла у Борковской, да продала мѣдный кубъ изъ винокурни, а себѣ сдѣлала деревянный» (Р. Ст. 1887, I, 687). 1450 р. по тому времени сумма довольно крупная, и Гоголь въ моментъ страстнаго желанія «перемѣнить участь» могъ вообразить, что онъ проживетъ на нее 2—3 года; въ то же время онъ сознавалъ, насколько неожиданная потеря ея повредитъ дѣламъ его матери и потому собралъ справки о возможности отсрочки, о количествѣ штрафа (V, 86) и отказался навсегда отъ дальнѣйшей помощи матери. Но дорогой онъ передумалъ, и отрицательная сторона его поступка выдвинулась передъ нимъ съ особою яркостью. Тогда онъ спѣшитъ исправить зло, пока оно еще не сдѣлалось непоправимымъ. Поѣздка моремъ въ Любекъ и обратно стоила сравнительно недорого, а передвиженіе по сушѣ вглубь Европы было бы тратой крупной. Гоголь рѣшается возвратиться назадъ раньше, нежели успѣлъ сжечь, такъ сказать, свои корабли. И вотъ онъ ѣдетъ домой немедленно, едва давъ себѣ время отдохнуть отъ дороги и, можетъ быть, пріѣзжаетъ раньше, нежели за Васильевку пришлось платить штрафъ. Во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что Гоголь успѣлъ (вѣроятно, съ помощью небольшого займа) внести проценты, такъ какъ черезъ 3 мѣсяца (см. письмо матери отъ 12 ноября) онъ уже крайне нуждается въ 300 рубляхъ; мать его земли не продавала, и объ крупныхъ убыткахъ, которые онъ нанесъ имѣнію, впослѣдствіи не было и рѣчи[1]).

Въ заключеніе этого эпизода своей жизни Гоголь, по моему убѣжденію, проявилъ необыкновенную осмотрительность, энергію и силу воли. Каково ему было въ 20 лѣтъ отъ роду, при его непомѣрномъ и пока ничѣмъ, кромѣ сознанія своихъ силъ и ума, неоправданномъ самолюбіи [2]), вернуться черезъ мѣсяцъ съ позо-

1) «Разстройство и разореніе, мною вамъ причиненное» въ письмѣ отъ 24 сентября, писанномъ черезъ два дня по возвращеніи, нельзя принимать въ разсчетъ: это только фраза покаяннаго письма, писаннаго отъ начала до конца въ крайне приподнятомъ тонѣ.

2) Еще сидя на ученической скамьѣ онъ въ письмахъ къ матери хвалился своей проницательностью, дальновидностью, практичностью, «желѣзнымъ тер-



ромъ въ Петербургъ, съ чужой шубой въ чемоданѣ, и каяться въ непозволительномъ легкомысліи передъ матерью, относительно которой онъ почти немедленно послѣ смерти отца сталъ принимать покровительственный тонъ главы семейства, и въ глазахъ которой онъ въ послѣдніе годы представлялъ себя необыкновеннымъ человѣкомъ, строящимъ «великое зданіе!» И все это въ то время, когда въ рукахъ у него еще находились средства продолжать свое необдуманно начатое путешествіе, въ полной безопасности отъ упрековъ и насмѣшекъ и съ неопредѣленною надеждой оправдать свою выходку хоть какимъ нибудь жизненнымъ успѣхомъ!

Допустимъ, что одинъ изъ тысячи умныхъ молодыхъ людей былъ бы способенъ въ подобномъ положеніи одуматься и остановиться во-время; но и одинъ изъ *сотни тысячъ* едва ли бы могъ не потерять послѣ этого хоть на время бодрости и самонадѣянности. Только истинные геніи, близкіе въ этомъ отношеніи къ помѣшаннымъ, не поддаются и послѣ крупныхъ неудачъ ни на минуту общечеловѣческой слабости и продолжаютъ по прежнему вѣрить въ свою звѣзду. Гоголь оказался именно таковъ: на кораблѣ, на который сѣлъ онъ въ первый разъ въ своей жизни, во время «порядочной бури» (стр. 98) «мысль о страхѣ не закрадывалась въ его душу»; въ Гамбургѣ и Любекѣ онъ тщательно наблюдаетъ все интересное до архитектурныхъ деталей включительно; немедленно по возвращеніи онъ познаетъ «невидимую руку Всевышняго, его охраняющую» (стр. 97) и съ полной душевной ясностью принимается за прерванныя занятія — снова просить свѣдѣній «о повѣрьяхъ, обычаяхъ малороссіянъ, сказкахъ, преданьяхъ, находящихся въ простонародьи» (стр. 99). Едва ли нужно доказывать, что это вовсе не проявленіе тоски по родинѣ, мѣстнаго патріотизма со стороны заброшеннаго судь-

---

пѣніемъ»; «я всегда достигалъ своихъ намѣреній», пишетъ онъ 15 дек. 1827 (V, 68). Кому неизвѣстно, что самомнѣніе, основанное только на сознаніи своихъ силъ, но еще не оправданное фактами, бываетъ особенно чувствительно и раздражительно?

бою въ Петербургъ малоросса; а тонко подмѣченное, въ то время только что пробуждавшееся стремленіе нашей интеллигенціи къ этнографически-историческому изученію своей родины, предшествовавшее оффиціальному народолюбію съ одной стороны и славянофильству съ другой; пока для Гоголя это только средство «выдти въ люди», «улучшить свою участь» [1]).

Конечно, такая побѣда надъ собой не могла достаться легко даже и Гоголю, и много разъ впослѣдствіи онъ вспоминалъ о пережитомъ въ первый годъ Петербургскаго періода, какъ о чемъ то ужасномъ, хотя съ внѣшней, матеріальной стороны онъ не испыталъ ничего, особенно тяжелаго: дѣло было въ невидимыхъ міру душевныхъ страданіяхъ.

Съ этого момента крайне преждевременно (въ 20 лѣтъ съ небольшимъ!) окончилась юность Гоголя и наступилъ для него періодъ мужества [2]).

---

1) V, 104. Такую же несокрушимую энергію, но проявляющуюся на низкой, грубо-матеріальной почвѣ изображаетъ впослѣдствіи Гоголь въ своемъ героѣ Чичиковѣ, который только ею и выдвигается изъ ряда пошлыхъ, дюжинныхъ людей. «Ну, что-жъ!» сказалъ Чичиковъ: «зацѣпилъ, поволокъ, сорвалось — не спрашивай. Плачемъ горю не пособить, нужно дѣло дѣлать». Изд. 10-е, III, 234.

2) Какимъ туманомъ облечены многіе факты жизни Гоголя даже для его лучшихъ біографовъ, видно изъ увѣренія Кулиша, будто Гоголь «въ первую свою поѣздку за границею» «провелъ въ Испаніи и Португаліи съ недѣлю» (Записки I, 209). Вся эта поѣздка его продолжалась менѣе 2-хъ мѣсяцевъ (24 іюля онъ еще въ Петербургѣ, а 20 сентября опять уже въ Петербургѣ; 13 августа онъ былъ въ Травемюнде, а раньше 15 сентября уже долженъ былъ выѣхать изъ Гамбурга); могъ ли онъ при тогдашнихъ путяхъ сообщенія, при своихъ матеріальныхъ средствахъ и при твердомъ намѣреніи вернуться скорѣе въ Петербургъ въ 3 недѣли проѣхать почти изъ конца въ конецъ всю Западную Европу?

Г. Шенрокъ, естественно, не можетъ допустить этого, и поѣздку Гоголя въ Испанію и Португалію относитъ къ 1837 г. «между 15 іюня, когда Гоголь былъ въ Туринѣ, и 21 іюля, когда мы его видимъ уже въ Баденѣ» (III, 198 ср. Русск. Ст. 1888, № 4, стр. 49—50). Но самъ же г. Шенрокъ удостовѣряетъ (ib. 199), что денежныя дѣла Гоголя въ *это* время были очень неблестящи, а поѣздка по Испаніи стоила не дешево; кромѣ того, 12 іюня Гоголь пишетъ матери

II.

Черезъ мѣсяцъ съ небольшимъ послѣ возвращенія изъ-за границы (27 окт. 1829 г.) Гоголь пишетъ матери: «*Въ скоромъ времени я надѣюсь опредѣлиться на службу*. Тогда съ обновленными силами примусь за трудъ и посвящу ему всю жизнь мою. Можетъ быть, Богу будетъ угодно даровать мнѣ возможность загладить со временемъ мой безразсудный поступокъ» [1]) и пр. Положимъ, это письмо неискреннее: оно отдано незапечатаннымъ «благодѣтелю» Андрею Андр. Трощинскому (унаслѣдовавшему большую часть состоянія Дм. Прокофьевича Трощинскаго) съ тѣмъ, чтобы тотъ прочелъ его и увидѣлъ, какъ Гоголь цѣнитъ его благодѣянія; но въ *этомъ* пунктѣ, относительно службы мы должны ему вѣрить: Трощинскій, живя въ это время въ Петербургѣ, былъ вполнѣ освѣдомленъ о положеніи дѣлъ Гоголя и, вѣроятно, старался помочь ему въ пріисканіи мѣста. Черезъ 2 недѣли (12 ноября) Гоголь пишетъ еще опредѣленнѣе: «Я надѣюсь получить довольно порядочное мѣсто *въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ*; но жалованья не могу получить раньше, какъ черезъ два мѣсяца» [2]). Прошло послѣ этого два мѣсяца слишкомъ, и Гоголь 2 Февраля 1830 г. извѣщаетъ мать, что онъ *снова* ходитъ каждый день въ должность [3]), что недавно онъ взялъ у Андрея Андр. 150 р. на *обмундировку* и что жалованья онъ получаетъ «сущую бездѣлицу» [4]). Все это выходитъ очень стройно

изъ Рима, что онъ на одинъ мѣсяцъ ѣдетъ въ Швейцарію; 15 іюня изъ Турина сообщаетъ ей, что онъ завтра же увидитъ Швейцарскія горы на пути въ Баденъ; а 1 октября ей же разсказываетъ о своемъ пребываніи въ Баденѣ и подробно описываетъ Швейцарію. Рѣшительно непонятно, что̀ могло заставить Гоголя скрывать отъ матери (какъ и отъ Жуковскаго) свое испанопортугальское путешествіе. Не очевидно ли, что это путешествіе есть одна изъ тѣхъ мистификацій, на которыя Гоголь, какъ и многіе другіе остроумные люди съ пылкимъ воображеніемъ, былъ великій мастеръ?

1) Изд. Кулиша V, 97.

2) V, 98.

3) Очевидно, что и отъ этого періода не всѣ письма Гоголя къ матери дошли до насъ.

4) V, 103.

и вѣроподобно: стало быть, въ концѣ 1829 г. Гоголь пріискалъ себѣ маленькое казенное мѣсто, пробылъ два мѣсяца какъ бы на испытаніи, потомъ обмундировался и сталъ получать жалованье. Съ этимъ вполнѣ согласуется и то, что пишетъ Гоголь матери 2 апрѣля: «Послѣ безконечныхъ исканій мнѣ удалось наконецъ сыскать мѣсто, очень, однако жъ, незавидное» [1]) и т. д., и разсчетъ своихъ доходовъ и расходовъ, гдѣ въ числѣ первыхъ уже показано жалованье за январь въ количествѣ 30 р.

Но всему этому явно противорѣчитъ оффиціальный документъ о службѣ Гоголя: въ его первомъ аттестатѣ [2]) значится, что онъ «по окончаніи курса ученія съ правомъ на чинъ XIV класса, поступилъ на службу въ Департаментъ Удѣловъ *1830 г. апрѣля 10*».

Если вѣрить этому аттестату, — а какъ можно не вѣрить ему? — то окажется, что Гоголь цѣлые четыре мѣсяца обманывалъ мать, увѣряя ее, что онъ уже служитъ, получаетъ жалованье, получилъ уже прибавку въ 20 р. въ мѣсяцъ и надѣется къ слѣдующему году получить еще новую [3]). Положимъ, что все это сочинялъ онъ съ добрымъ намѣреніемъ, чтобы успокоить мать, но ложь все же остается ложью.

Это была и очень рискованная ложь: Марья Ив. была въ перепискѣ съ «благодѣтелемъ» Андреемъ Андр. Трощинскимъ, который едва ли могъ быть въ заговорѣ съ Гоголемъ и имѣлъ полную возможность узнать доподлинно, служитъ ли Гоголь или только ищетъ мѣста? нужны ли ему деньги на обмундировку или на другія потребности?

Гоголь былъ великій мастеръ на мистификаціи, да и въ сношеніяхъ съ нѣжно-любимой матерью не всегда отличался правдивостью, какъ это мы видѣли и въ исторіи его перваго путе-

1) V, 105.

2) Сборникъ, изд. студентами и пр. СПБ. 1857 г. I, 345; тѣ же свѣдѣнія повторены въ формулярѣ Гоголя, составленномъ въ вѣдомствѣ Императрицы Маріи (см. статью Н. А. Бѣлозерской «Служба Гоголя въ Патріотическомъ Институтѣ», Русск. Ст. 1887, IV, 749).

3) V, 109.

шествія за границу; но онъ былъ тонко уменъ и расчетливъ, и трудно допустить, чтобы онъ, только что провинившись передъ Маріею Ив. и напугавъ ее, снова рѣшился обманывать ее систематически и при томъ съ большимъ рискомъ.

Приходится искать разгадки въ такъ называемой «гнусной клеветѣ» Булгарина.

Черезъ два года послѣ смерти Гоголя, въ 1854 г. вышелъ «Опытъ біографіи Гоголя со включеніемъ до сорока его писемъ», сочиненіе Николая М. (Кулиша). Поклонники Гоголя, т. е. почти вся русская интеллигенція были въ восторгѣ отъ этой живо и тепло написанной книги, которая сообщала довольно точныя свѣдѣнія о великомъ юмористѣ, бывшемъ предметомъ почти миѳическихъ разсказовъ. Можно себѣ представить, какой эффектъ произвелъ этотъ восторгъ и его источникъ на редактора Сѣверной Пчелы? Онъ былъ бы готовъ съѣсть біографа, а на героя книги излить ушаты грязи; но литературныя приличія и желаніе показать, что онъ, Ѳаддей Венедиктовичъ — критикъ объективный, а также и кое-какія посторонніе литературныя соображенія, вынуждаютъ его сдерживаться и въ томъ и въ другомъ отношеніи; однако онъ сдѣлалъ все отъ него зависящее и между прочимъ сообщилъ во всеобщее свѣдѣніе слѣдующее [1]). «Въ концѣ 1829 или началѣ 1830 г., хорошо не помню» къ одному петербургскому журналисту, т. е. къ самому Булгарину, явился молодой человѣкъ съ похвальнымъ стихотвореніемъ, въ которомъ онъ сравнивалъ журналиста съ Вальтеромъ Скоттомъ, Адиссономъ и пр. «Молодой человѣкъ казался близкимъ къ отчаянію, такъ какъ онъ крайне нуждался въ мѣстѣ, а въ Петербургѣ совсѣмъ не имѣлъ связей. Это былъ Гоголь, недавно пріѣхавшій изъ Нѣжина. Тронутый его безпомощностью, журналистъ въ тотъ же день пошелъ къ Максиму Яковлевичу фонъ-Фоку, управлявшему *III отдѣленіемъ* и имѣвшему, какъ всѣмъ извѣстно, «добрую, благородную, нѣжную душу». По просьбѣ

1) С. Пчела 1854 г. № 175 (стр. 829).

журналиста, Ф. Фокъ далъ Гоголю мѣсто въ своей канцеляріи. «Не помню, сколько времени прослужилъ Гоголь въ этой канцеляріи, въ которую онъ являлся только за полученіемъ жалованья; но знаю, что какой то пріятель Гоголя принесъ въ канцелярію просьбу объ отставкѣ и взялъ обратно его бумаги», самъ же Гоголь исчезъ, неизвѣстно куда». «У журналиста *до сихъ поръ хранятся похвальные стихи Гоголя и два его письма* (о содержаніи которыхъ почитаю излишнимъ извѣщать); но больше Гоголь журналиста не навѣщалъ».

Это извѣщеніе произвело непріятное впечатлѣніе на семью Аксаковыхъ. 27 августа 1854 г. И. С. Аксаковъ пишетъ отцу изъ Харькова [1]): «Читали ли вы, милый Отесенька, Сѣв. Пчелу, тѣ №№, гдѣ Булгаринъ разбираетъ біографію Гоголя и разсказываетъ, какъ въ *1828 или 1829 г.* (sic) Гоголь явился къ нему со стихами, въ которыхъ Булгаринъ превознесенъ до небесъ, и съ просьбою о мѣстѣ, и Булгаринъ опредѣлилъ его въ III-е Отдѣленіе Канцеляріи Государя, куда, впрочемъ, Гоголь являлся только за полученіемъ жалованья, и гдѣ онъ числился не долго. Если не читали, то вѣрно слышали. Эти двѣ статьи гнусны въ высшей степени по той явной цѣли, съ которой писаны, по старанію представить Гоголя человѣка подлецомъ, и по самому тону. Вѣрно, онѣ вызовутъ возраженія. *Очень могло быть* (Булгаринъ обѣщастъ, въ случаѣ нужды, напечатать и стихи и письмо Гоголя—послѣднее чуть ли не о деньгахъ), что мальчикъ Гоголь, попавши въ Петербургъ и не имѣя ни о чемъ вѣрнаго понятія, ни о Булгаринѣ, ни о III Отдѣленіи, послѣдовалъ совѣту какого нибудь пріятеля, увѣрившаго его, что таковъ обычай и порядокъ, что такъ у практическихъ людей заведено и пр.».

И такъ, даже И. С. Аксаковъ, самъ никогда не испытавшій житейскихъ тисковъ, въ какихъ оказался юный малороссъ въ концѣ 1829 г. въ Петербургѣ, и благоговѣвшій передъ Гоголемъ, считаетъ разсказанный Булгаринымъ фактъ очень возмож-

1) И. С. Аксаковъ въ его письмахъ, ч. I, т. III. М. 1892, стр. 64—5.

нымъ и только старается оправдать Гоголя его молодостію, неопытностію и готовностью подчиниться вліянію какого нибудь слишкомъ практичнаго пріятеля.

По годамъ Гоголь и въ началѣ 1830 г. могъ быть названъ мальчикомъ, но, пробывъ около года въ Петербургѣ, онъ, при своемъ природномъ тонкомъ умѣ, не могъ считаться неопытнымъ и, безъ сомнѣнія, прекрасно зналъ, что такое III Отдѣленіе и что такое Булгаринъ, и едва ли онъ могъ подчиняться чужимъ вліяніямъ. Тѣмъ не менѣе нѣтъ ни малѣйшаго основанія считать его виновнымъ въ сознательной подлости. По обстоятельствамъ вышеуказаннымъ, Гоголю надо было достать себѣ казенное мѣсто во что бы то ни стало. Отчаявшись пріобрѣсти его съ помощью родныхъ и лицъ, къ которымъ онъ имѣлъ рекомендательныя письма, Гоголь рѣшается дѣйствовать самостоятельно, съ помощью собственныхъ дарованій. Булгарина онъ считаетъ литераторомъ даровитымъ, вліятельнымъ и весьма доступнымъ [1]). Только появившійся въ 1829 г. его «Иванъ Выжигинъ» произвелъ положительный фуроръ, и юный Гоголь, по свойствамъ своего таланта, имѣлъ основанія восторгаться имъ искренно. Онъ пишетъ Булгарину похвальное стихотвореніе, не знаемъ, насколько изящное, но во всякомъ случаѣ умное (авторъ «Веверлея» и редакторъ Spectator'a именно тѣ великіе образцы, сравненіе съ которыми было бы вполнѣ умѣстно, если бы «Иванъ Выжигинъ» имѣлъ достоинства, приписанныя ему массой публики) и, догадываясь, что Булгаринъ такой человѣкъ, котораго не оттолкнетъ слишкомъ откровенная лесть, подноситъ ему стихи лично. Булгаринъ, дѣйствительно, тронутъ и въ тотъ же день спѣшитъ къ Фонъ-Фоку, человѣку, дѣйствительно, не глупому и весьма литературному, по отзывамъ современниковъ. Весьма воз-

1) Внѣшняго дарованія, литературной ловкости и большой энергіи у Булгарина никто, конечно, отрицать не будетъ. До его исторіи съ Дельвигомъ едва ли кто зналъ его настоящій характеръ. Припомнимъ, что Пушкинъ переписывался съ нимъ и бывалъ у него, а Грибоѣдовъ былъ одно время съ нимъ въ дружескихъ отношеніяхъ.

можно, что Булгаринымъ руководило жяланіе похвастаться умными стихами, написанными въ честь его; но это дѣла не измѣняетъ: цѣль была достигнута, хотя и въ такой формѣ, что Гоголь, безъ сомнѣнія, имѣвшій въ то время ясное понятіе о III Отдѣленіи и вовсе не желавшій посвятить себя этому виду службы, постарался воспользоваться любезностью Ф.-Фока въ возможно наименьшей степени и потомъ не любилъ вспоминать объ этомъ началѣ своей службы, въ которой по существу не было ничего позорнаго — это была обыкновенная канцелярская служба, гдѣ на первое время чиновники, безъ сомнѣнія, только переписывали бумаги, потомъ составляли экстракты и пр., — но которая, тѣмъ не менѣе, въ литературныхъ и вообще интеллигентныхъ кружкахъ почетомъ не пользовалась.

Могъ ли Гоголь сдѣлать бывшее не бывшимъ и устроить такъ, чтобы въ формулярѣ его III-е Отдѣленіе вовсе не фигурировало? — Безъ всякаго сомнѣнія, какъ свидѣтельствуютъ люди, въ подобныхъ вопросахъ очень компетентные: формуляръ составляется не скоро и, обыкновенно, по желанію самого чиновника; ни одно учрежденіе не имѣетъ выгоды тратить время на составленіе формуляровъ лицъ, только что поступившихъ на службу, принятыхъ только на испытаніе: можетъ быть, лицо окажется непригоднымъ, а можетъ быть, мѣсто для него не подходящимъ; черезъ два-три мѣсяца уйдетъ онъ, взявъ обратно свои бумаги, т. е. дипломъ и прошеніе, и никакихъ слѣдовъ отъ его службы не останется, кромѣ его росписокъ въ требовательной вѣдомости (если только лицо получало жалованье). Такъ именно случилось и съ Гоголемъ.

И. С. Аксаковъ высказываетъ догадку, что *письмо* (по словамъ Булгарина, *два письма*) Гоголя было «чуть ли не о деньгахъ». Догадка едва ли удачна, если понимать ее въ смыслѣ просьбы о денежной помощи. Какъ ни тяжело жилось Гоголю въ это время, въ подачкахъ отъ чужихъ людей онъ не нуждался, и въ глазахъ Булгарина ни за что не унизился бы до такой степени. Вѣроятнѣе, что въ первомъ письмѣ онъ выражалъ Булга-

рину благодарность за протекцію, а во второмъ, можетъ быть, просилъ его «довершить благодѣяніе» и доставить ему другое мѣсто, и по наименованію учрежденія болѣе подходящее молодому литератору.

А, можетъ быть, въ одномъ изъ писемъ и была рѣчь о гонорарѣ, который Гоголь получилъ отъ Булгарина за переводъ съ французской статьи для С. Архива.

Булгаринъ увѣряетъ, что Гоголь являлся въ канцелярію III Отд. «только за полученіемъ жалованья»; а Гоголь пишетъ матери отъ 2 февр. 1830 г., что онъ «снова ходитъ каждый день въ должность». Истина, безъ сомнѣнія, по срединѣ: получивъ первое мѣсто и, вѣроятно, мечтая черезъ того же Булгарина получить другое получше, Гоголь долженъ былъ явить себя усердным и исправнымъ; но убѣдившись, что ему придется весьма долго сидѣть на 30 рубляхъ *и именно въ III Отдѣленіи*, онъ сталъ искать другой службы и другими путями, и въ мартѣ 1830 г., можетъ быть, приходилъ только за жалованьемъ. Найдя мѣсто въ Департаментѣ Удѣловъ, Гоголь, очевидно, постѣснился идти лично за своими бумагами въ III-е Отд., гдѣ онъ служилъ, какъ говорится, безъ году недѣлю, а работалъ и еще того менѣе; но онъ не побоялся довѣрить это другому; сталобыть въ 1830 г. онъ не видѣлъ въ этой кратковременной службѣ ничего особенно для себя позорнаго.

Въ иномъ свѣтѣ представилась ему и эта служба и стихи Булгарину послѣ того, какъ онъ сошелся съ кружкомъ «Литературной Газеты» и познакомился съ Пушкинымъ.

Одинъ изъ самыхъ важныхъ пунктовъ не только въ біографіи Гоголя, но и вообще въ исторіи классическаго періода русской литературы — сближеніе Гоголя съ Пушкинымъ — до сихъ поръ остается не вполнѣ яснымъ. Прежде всего не установлено съ точностью, когда началось ихъ знакомство. Извѣстно, что въ первый разъ Пушкинъ узналъ объ Гоголѣ отъ Плетнева, который 22 февраля 1831 г. пишетъ ему въ Москву: «Надобно познакомить тебя съ молодымъ писателемъ, который обѣщаетъ

что то очень хорошее. Ты, можетъ быть, замѣтилъ въ Сѣв. Цвѣтахъ отрывокъ изъ историческаго романа съ подписью 0000, также въ Литературной Газетѣ: Мысли о преподаваніи географіи, статью: «Женщина» и главу изъ малороссійской повѣсти: «Учитель». Ихъ писалъ Гоголь-Яновскій. Онъ воспитывался въ Нѣжинскомъ лицеѣ Безбородки. Сперва онъ пошелъ было по гражданской службѣ, но страсть къ педагогикѣ привела его подъ мои знамена: онъ перешелъ также въ учители. Жуковскій отъ него въ восторгѣ. Я нетерпѣливо желаю подвести его къ тебѣ подъ благословеніе. Онъ любитъ науки только для нихъ самихъ, и какъ художникъ готовъ для нихъ подвергать себя всѣмъ лишеніямъ. Это меня трогаетъ и восхищаетъ» [1]). На это Пушкинъ отвѣчаетъ изъ Москвы же въ апрѣлѣ: «о Гоголѣ не скажу тебѣ ничего, потому что доселѣ его не читалъ за недосугомъ. Отлагаю чтеніе до Царскаго Села... [2]).

Вотъ terminus a quo.

Вполнѣ несомнѣнный terminus ad quem есть письмо Пушкина къ Гоголю отъ 25 августа [3]) (изъ Царскаго Села въ Петербургъ), изъ котораго видно, что отношенія великихъ поэтовъ близки и дружественны: у нихъ общіе литературные замыслы, общія симпатіи и антипатіи; донельзя деликатный съ «младшими» Пушкинъ шутитъ надъ лѣнью Гоголя и надъ его забывчивостью («Ваша Надежда Николаевна, т. е. моя Наталья Николаевна...»). Эти два довольно отдаленные термина сближаются во первыхъ письмами Гоголя къ Пушкину отъ 16 и 21 августа [4]), потомъ письменнымъ разсказомъ Гоголя Жуковскому о его свиданіи съ Пушкинымъ *8 августа* на Вознесенскомъ проспектѣ [5]) и нако-

1) Соч. П. А. Плетнева, изд. Я. Гротъ. III, 366 (Спб. 1885).

2) ib. 371; изд. Литер. Фонда VII, 266.

3) Изд. Литер. Фонда VII, 289.

4) Русск. Арх. 1880, стр. 509 и слѣд.

5) Въ письмѣ къ Жуковскому отъ 10 сентября (Русск. Арх. 1871, стр. 947). Но не слѣдуетъ ли здѣсь предполагать описки со стороны Гоголя? Не слѣдуетъ ли читать *сентября* вмѣсто *августа*, такъ какъ самъ Гоголь переѣхалъ въ Петербургъ только *15 августа?* Да въ августѣ и карантины были

нецъ двумя вышеупомянутыми письмами Гоголя къ матери изъ Павловска [1]), въ которыхъ онъ проситъ писать ему черезъ Пушкина. Изъ всего этого очевидно, что въ *іюлѣ* 1831 г. Гоголь уже близко сошелся съ Пушкинымъ и Жуковскимъ; но все же остается не рѣшеннымъ вопросъ о томъ, когда именно произошло его знакомство съ первымъ.

Гр. В. А. Соллогубъ разсказываетъ [2]), что онъ, Соллогубъ, познакомился съ Гоголемъ у своей тетки А. И. Васильчиковой въ Павловскѣ и послѣ этого, встрѣтившись съ Пушкинымъ въ Царско-Сельскомъ паркѣ, спросилъ его: знаетъ ли онъ Гоголя? Пушкинъ отвѣчалъ, что еще не знаетъ, но слышалъ о немъ и желаетъ съ нимъ познакомиться [3]).

Вотъ свидѣтельство современника, по видимому достовѣрное; гр. Соллогубъ былъ тогда очень юнъ и впечатлителенъ и горячо интересовался литературой. Признавая его разсказъ достовѣрнымъ, мы тѣмъ самымъ должны признать, что знакомство Гоголя съ Пушкинымъ произошло на дачѣ и не въ началѣ лѣта.

Но воспоминанія гр. Соллогуба писаны много лѣтъ спустя послѣ событій и по характеру автора не могутъ отличаться скрупулезною точностью. (Такъ и въ данномъ мѣстѣ не легко повѣрить, чтобы Пушкинъ въ разговорѣ съ малоизвѣстнымъ ему юношей назвалъ свою жену первой *европейской* красавицей).

Мы не знаемъ, сколько именно дней провелъ Пушкинъ въ Демутовомъ трактирѣ по пріѣздѣ изъ Москвы въ маѣ мѣсяцѣ; но во всякомъ случаѣ не одинъ и не два, такъ какъ онъ успѣлъ за это время написать два письма Нащокину [4]), и такъ какъ онъ долженъ былъ дать срокъ омеблировать дачу въ Царскомъ Селѣ [5]).

слишкомъ строги даже для Пушкина; а Гоголь тѣмъ болѣе не имѣлъ возможности посѣтить Петербургъ.

1) V, 118 и 133.

2) «Воспоминанія» М. 1866, стр. 10 и слѣд.

3) Тамъ же, 14.

4) Изд. Литер. фонда VII, стр. 267 и 268.

5) Тамъ же: «на дняхъ отправляемся въ Царское Село, гдѣ мой домикъ еще не омеблированъ».

За эти дни онъ, по всей вѣроятности, не одинъ разъ видѣлся съ Плетневымъ, и тотъ имѣлъ возможность удовлетворить своему *нетерпѣливому* желанію (которое, безъ сомнѣнія, раздѣлялъ и Гоголь) подвести многообѣщающаго юношу *подъ благословеніе* Пушкина.

И такъ, нельзя не присоединиться къ мнѣнію г. Шенрока [1]), что знакомство Гоголя съ Пушкинымъ произошло еще въ Петербургѣ въ маѣ 1831 г.; въ іюлѣ, при посредствѣ частыхъ свиданій и бесѣдъ, знакомство перешло въ пріязнь, а въ августѣ—и въ готовность къ совмѣстной дѣятельности: Гоголь собирается выступить противъ «Петра Выжигина» [2]), автора котораго онъ полтора года назадъ приравнивалъ къ Вальтеру Скотту и Аддиссону, о чемъ едва ли сообщилъ Пушкину и др.

Булгарину такое поведеніе молодого писателя, безъ сомнѣнія, представлялось не честнымъ; но должны ли и мы почитать его таковымъ? Гоголь явился въ Петербургъ пробивать себѣ дорогу съ большой любовью къ литературѣ и нѣкоторымъ ея знаніемъ, но безъ всякаго интереса къ ея партіямъ. Въ его глазахъ Пушкинъ и Жуковскій—великіе поэты; но и Булгаринъ—весьма заслуженный и почтенный литераторъ; какъ журналистъ, онъ доступнѣе другихъ, и Гоголь прибѣгъ къ его покровительству; въ результатѣ мѣсто въ канцеляріи III-го Отдѣленія и грошевый литературный заработокъ. Могъ ли *Гоголь* на этомъ успокоиться? Никоимъ образомъ; напротивъ, этотъ маленькій успѣхъ долженъ былъ поощрить его къ дальнѣйшимъ исканіямъ въ другихъ мѣстахъ. И онъ карабкается вверхъ изо всѣхъ силъ: въ февралѣ 1830 г. онъ помѣщаетъ начало повѣсти «Бисаврюкъ» въ Отечеств. Запискахъ Свиньина и въ то же время ищетъ случая «прислужиться» (письмо къ матери V, 103) какому то вельможѣ, любителю отечественныхъ древностей. Хлопоты его и теперь не остаются безплодными: «одна изъ статей» (къ сожалѣ-

1) Матеріалы I, 345.
2) См. его письмо отъ 21 августа.

нію, мы не знаемъ, какая именно) доставила ему мѣсто въ Департаментѣ Удѣловъ [1]) и, стало быть, дала возможность развязаться съ III-мъ Отдѣленіемъ и Булгаринымъ. Лѣтомъ 1830 г. Гоголь усердно служитъ, заводитъ связи съ художниками, а «въ тишинѣ» обдумываетъ болѣе обширные литературные труды и бодро смотритъ въ глаза будущему.

Но результаты «исканій» Гоголя у Булгарина, Свиньина и лицъ, неизвѣстныхъ намъ, были ничто въ сравненіи съ тѣми выгодами, которыя получилъ онъ, проникнувъ въ кружекъ «Сѣверныхъ Цвѣтовъ» и «Литературной Газеты». Истиннымъ его благодѣтелемъ былъ П. А. Плетневъ, доставившій ему осенью 1830 г. нѣсколько очень хорошихъ уроковъ, а въ началѣ слѣдующаго года мѣсто въ Патріотическомъ Институтѣ и, наконецъ, сблизившій его съ Жуковскимъ и Пушкинымъ.

Трудно представить себѣ болѣе рѣзкій счастливый поворотъ судьбы, чѣмъ тотъ, который пережилъ Гоголь въ 1830—31 г., благодаря пушкинскому кружку. Нѣсколько мѣсяцевъ назадъ никому кромѣ своихъ нѣжинскихъ товарищей неизвѣстный маленькій чиновникъ, получившій мысто въ 500 р. «послѣ безконечныхъ исканій» [2]), ищущій у деревенскихъ сосѣдей рекомендаціи къ своимъ начальникамъ [3]), жалкій начинающій литераторъ, которому даютъ кое-какую работу почти въ видѣ милостыни [4]), живущій «въ вѣчныхъ заботахъ и безпокойствахъ», принужденный всячески изворачиваться въ письмахъ къ матери, чтобы не огорчать ея малообѣщающимъ положеніемъ своихъ дѣлъ, выпрашивающій деньги на свою болѣе, чѣмъ скромную, жизнь [5]), у

---

1) Письмо къ матери отъ 3 іюня 1830 г. V, стр. 114.

2) V, 105.

3) V, 120.

4) Оплаченный переводъ для С. Архива такъ и остался не напечатаннымъ.

5) Онъ «отхваталъ всю зиму въ лѣтней шинели» (V, 106), онъ разсчитываетъ каждый стаканъ чаю, онъ обманываетъ почту, засовывая письмо въ № журнала (V, 116); въ случаѣ замедленія присылки денегъ изъ деревни, онъ принужденъ, какъ Хлестаковъ, «продавать за безцѣнокъ самонужнѣйшія вещи» (V, 120) и пр.

богатаго родственника и выслушивающій отъ него малопоощрительныя замѣчанія «что у него семейство, что *его* дѣла также не всегда въ хорошемъ состояніи», вдругъ получаетъ возможность бросить «ничтожную службу», начинаетъ новую широкую дѣятельность на глазахъ у самыхъ высокопоставленныхъ лицъ [1]); онъ пользуется «лестнымъ дружествомъ» петербургскихъ знатныхъ дамъ; онъ встрѣчается въ обществѣ съ посланниками (стр. 141) и министрами (стр. 144), и они мило шутятъ съ нимъ или высказываютъ готовность помогать ему въ его личныхъ дѣлахъ. Положимъ все это узнаемъ мы изъ писемъ Гоголя къ матери, неглупой, но немного наивной провинціалкѣ и во всемъ этомъ нельзя не видѣть нѣкоторой «хлестаковщины» на доброй основѣ — на желаніи порадовать добрую мать своими успѣхами; но въ тѣхъ же письмахъ нельзя не видѣть полнаго перерожденія самочувствія нищущаго и нельзя не отмѣтить мелкихъ, но краснорѣчивыхъ фактовъ, свидѣтельствующихъ объ измѣненіи важнѣйшихъ условій жизни. Теперь уже Гоголь посылаетъ подарки роднымъ, а не ждетъ отъ нихъ. Скоро, скоро, мечтаетъ онъ, мать и сестры только ему будутъ обязаны своимъ благосостояніемъ. Плаксивоноющій, раздражительный тонъ его писемъ смѣняется бодрымъ, свѣтлымъ и жизнерадостнымъ: Гоголь твердо убѣжденъ, что всѣ жизненныя испытанія для него миновали; онъ чувствуетъ въ сердцѣ своемъ «тишину», «неуклонную твердость и мужество въ душѣ» своей [2]); «Я теперь болѣе, нежели когда либо тружусь, и болѣе, нежели когда либо веселъ. Спокойствіе въ груди моей величайшее» [3]). Онъ считаетъ себя «совершенно пристроеннымъ» [4]) и снова, но теперь уже на основаніи опыта и твердо установленныхъ фактовъ, преисполняется глубокой вѣрой въ свои силы

---

1) «Государыня приказала читать мнѣ въ находящемся въ Ея вѣдѣніи институтѣ. . . . . лекціи мои мало по малу заставляютъ говорить обо мнѣ. . . .» V, 129).

2) V, 128.

3) Отъ 16 апр. 1831 г. V, 130.

4) V, 136.

и въ свой характеръ. Въ душѣ петербургскаго труженика пробуждаются такія теплыя, нѣжныя чувства по отношенію къ далекимъ роднымъ и даже знакомымъ, что полгода назадъ онъ, навѣрно, считалъ ихъ безвозвратно похороненными [1]).

Конечно, главная причина такого жизнерадостнаго настроенія Гоголя заключалась не въ измѣненіи *внѣшнихъ* условій его жизни, а въ томъ, что онъ вступилъ на настоящую дорогу свою и проникся сознаніемъ своей талантливости, чѣмъ онъ опять таки всецѣло обязанъ друзьямъ Пушкина и ему самому: эти законодатели тогдашней мысли признали въ забитомъ и приниженномъ судьбою юношѣ крупное дарованіе и страстную любовь къ литературѣ; они дали ему возможность показать себя со всѣхъ лучшихъ сторонъ своихъ; они ввели его, какъ равнаго, въ самый интимный кружокъ свой, и *самъ* Пушкинъ выказалъ такую заботу объ успѣхѣ его «Вечеровъ», какой никогда не проявлялъ онъ относительно собственныхъ своихъ произведеній [2]).

Могъ ли Гоголь послѣ всего этого не отдаться пушкинскому кружку всей душой своей и не почувствовать антипатіи ко всѣмъ явнымъ и тайнымъ врагамъ его, хотя бы между ними и были люди, имѣвшіе нѣкоторое (весьма впрочемъ небольшое) право на благодарность съ его стороны?

Можно, полагаемъ, смѣло утверждать, что осень 1831 г. было самое счастливое время въ жизни Гоголя; никогда ни прежде, ни послѣ не былъ онъ преисполненъ такой бодрости духа и такихъ свѣтлыхъ надеждъ, и не только за себя самого, но и за то великое дѣло, которому онъ началъ служить при самыхъ благопріятныхъ обстоятельствахъ. «Мнѣ кажется», пишетъ онъ Жуковскому 10 сентября [3]), «что теперь воздвигается огромное зданіе чисто-русской поэзіи. Страшные граниты положены въ

---

1) См. стр. 131, 137, 140 и др.

2) См. его письмо къ А. Ѳ. Воейкову изд. Литер. Фонда № 305 (VII, 287); оно написано, безъ сомнѣнія, не между 21 и 25 авг., а послѣ 10 сентября. См. Р. Арх. 1871 г., стр. 946.

3) Р. Арх. 1871, 947.

фундаментъ, и тѣ же самые зодчіе выведутъ и стѣны, и куполъ на славу вѣкамъ! Да поклонятся потомки и да имутъ мѣсто, гдѣ возносить умиленныя молитвы свои. — Какъ прекрасенъ удѣлъ вашъ, великіе зодчіе!»

Зная высокое мнѣніе Пушкина о своихъ «Вечерахъ на хуторѣ» 22-хъ-лѣтній Гоголь, конечно, имѣлъ право считать себя не послѣднимъ въ ряду этихъ зодчихъ.

На этомъ поворотномъ пунктѣ мы его пока и оставимъ.

Краевая библиотека
№ 196644
Книгохранилище
Куйбышевского края